

КОНЕЦ СВЕТА СОСТОИТСЯ ПРИ ЛЮБОЙ ПОГОДЕ

**Елена
Архипова**

Елена Архипова
Конец света состоится
при любой погоде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23792584
ISBN 9785448506987

Аннотация

Героиня романа – успешная бизнес-леди и счастливая в браке женщина – теряет вмиг всё, что составляло смысл её жизни. Такое ощущение, будто сама судьба идёт за ней по пятам, порождая всё новые бедствия и оставляя на своём пути окровавленные трупы. Удастся ли Ольге Градовой ценой немыслимых жертв защитить своё доброе имя или героиня погибнет в жестокой схватке с неведомой силой? – этот вопрос будет мучить читателей до самых финальных глав романа.

Содержание

Реальность разлетается вдребезги	5
Удавленник в кровати	17
Наркorryцарь Кацман	23
Откуда не ждёшь...	32
Всякой скотине мать	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Конец света состоится при любой погоде

Елена Архипова

© Елена Архипова, 2018

ISBN 978-5-4485-0698-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Реальность разлетается вдребезги

Нет, конец света где-то в трёх шагах – это точно. Раньше крестьянину достаточно было в феврале, на какого-нибудь там Фрола-ветродуя, помусолить палец и воздеть его к небесам, чтобы безошибочно определить: лето будет жарким. Сейчас же климат настолько разладился, что ни одна примета уже не действует, а наше традиционно жаркое сибирское лето разливается дождями, что твои тропики. И добром это кончиться не может.

Так рассуждала я, глядя в окошко на нудные струи дождя. Со мной явно были солидарны мокрая кошка и забытая во дворе старушка с мусорным ведром. Дело близилось к вечеру, но это обстоятельство нисколько не меняло намерений дождя идти до последнего. И так не хотелось мне выбираться из удобного кожаного кресла, из своего кабинета – и шлёпать по лужам к машине. Но давно пора было домой.

Я захлопнула ежедневник и уже было поднялась, как в дверь мелким горохом постучали, и в кабинет просочился Сашенька.

Когда «Экстаз» только-только открылся, и я металась от одной заботы к другой, разрываясь между бухгалтерскими счетами, работой с поставщиками и воспитанием своего небольшого коллектива, Сашенька сам явился ко мне прямо с улицы, как приبلудный котёнок. Выглядел он жал-

ким и просто горем убитым (как я потом узнала, только что закончилась очередная единственная любовь Сашеньки), но это не помешало визитёру нахально заявить, что он хочет работать у меня. Я откровенно рассмеялась: что было делать в магазине дамской одежды и нижнего белья этому сублильному существу неопределённого возраста? Но когда мы прошли с ним в торговый зал и заговорили об особенностях моего бизнеса, Сашенька просто ошеломил меня знанием самых последних тенденций женской моды, отменным вкусом и вкрадчивыми манерами, столь незаменимыми в общении с моими взбалмошными покупательницами.

Сашенька был моей гордостью. С ним я не знала никаких забот в управлении своей модной лавочкой: Сашенька держал в узде девчонок-продавиц, мотался к поставщикам, привозя такой сногшибательный товар и на таких льготных условиях, что я только диву давалась. В остальное время он неотлучно находился в торговом зале и так тонко ублажал капризных богатых тёток, что те от счастья едва ли не растеклись по полу громадными лужами жира и уходили из магазина в полном восторге, увешанные гроздьями коробок.

Сашенька был моей головной болью. Судьба его не задалась, и трудно сказать, чего в ней было больше – трагичного или комичного. По молодости Сашенька мечтал стать модельером, но скоропалительно женился на глупо забеременевшей девке, забросил свои мечты о высокой моде и начал ремонтировать тепловозы на железной дороге, чтобы прокор-

мить увеличивающееся семейство. Так протянулось бог знает сколько времени. Сашенька жил и мучился, сам не понимая – чем, пока в 35 лет не прозрел по воле случая и понял, что он – совсем другой, голубой, как майское небо. Переменить судьбу, уяснив причину, оказалось уже проще: Сашенька развёлся с женой и пустился в свободное плавание.

Как всякий неофит, он стал ну просто идейным гомиком и только что не ходил со спущенными штанами в качестве знамени. Он даже представлялся так: «Сашенька Толмачёв, гей по убеждению», чем повергал в дикое смятение неподготовленного собеседника. Однако на самом деле в Сашенькином тельце проживало большое сердце, требующее любви, и потому мой зам упорно искал свою мужскую половину. Примерно раз в полгода Сашенька страстно влюблялся – раз и навсегда. Всех фигурантов его сердца я уже и не упомню, но обычно Сашенькины связи заканчивались разрывами, причём бросали его. После этого Сашенька запивал и на неделю-другую выпадал в осадок, а я терпеливо ожидала его выхода из штопора. По-своему я любила и жалела несчастливую в любви гея. Частенько он приходил ко мне в кабинет и изливал душу по поводу мужской неблагодарности и коварства. Наверно, видел во мне родственное создание. Сказал бы мне кто-нибудь с десятков лет назад, что я стану выступать в роли жилетки для страдающего педераста... С ума сойти! Впрочем, последние несколько месяцев Сашенька плотно жил с каким-то мачо уголовного пошиба

(тот даже пару раз заходил к нам в бутик), и я откровенно радовалась за него.

– Что-то случилось, Сашуль? – спросила я.

Сашенька помялся. Большие глаза его бегали туда-сюда.

– Ольга Сергеевна, я к вам с небольшой просьбой. Не могли бы вы ненадолго забрать к себе домой одну вещь?

Сашенька достал из кармана небольшую продолговатую коробульку и положил её на стол.

– Что-то случилось?

– Да ничего особенного. Просто мы с Толиком поссорились вчера из-за пустяка. Приревновал меня совершенно не из-за чего, ударил. Сегодня, конечно, будет всё нормально, но вот за эту штучку я боюсь – он её разобьёт или выкинет, – а она мне очень дорога. Осталась от одного человека...

И Сашенька тяжело вздохнул, являя собой эталон мировой скорби.

– Да ты не убивайся так: у вас же это не в первый раз. Ревнует – значит, любит. Давай сюда свою бонбоньерку. Как тучи рассеются – скажешь, верну.

Я сунула свёрточек в сумочку и поднялась. Сашенька пошёл впереди меня к дверям, на выходе остановился, виновато оглянулся, пожав плечами, и вышел.

К машине я мчалась без зонтика, пригнувшись, как на линии огня. Почти не промокла сама и не промочила туфли. Моя красотка, сиреневая «Вольво», была на ходу всего второй год, не подвела меня ещё ни разу, так что через несколь-

ко секунд, разбрызгивая веером воду из луж, я уже неслась сквозь дождь.

От Красноармейской до нашего дома было всего ничего, и если бы не обязывало положение, я вполне могла бы ходить на работу пешком. «Экстаз» стал для меня огромным сюрпризом. Ровно год назад, в мой день рождения, Володя привёз меня в пустое светлое помещение, где ещё остро пахло свежей краской, и сказал: «Ты хотела сама попробовать себя в деле? Вот, получай. Можешь открывать бутик, о котором столько мечтала. Всё, что понадобится, – на дизайн, на закупку товаров – оплачу без проблем. С днём рождения, малыш!». И я была в экстазе...

Новорусскую громадину, в которой мы жили, построили всего пару лет назад. Находясь в самом центре города, здание заслонило от улицы стандартными хрущёвками, и потому в нашем дворе шума проезжающих машин слышно почти не было. Прямо из подземного гаража я поднялась в лифте на наш седьмой этаж и блямкнула в дверь. Открыла Дора Михайловна, няня Димки, которая уходила вечерами, когда я и Володя возвращались домой. Она была уже в плаще.

– Добрый вечер, Оленька! Не промочило вас? Август называется... У нас всё нормально. Ужин готов, Димочка уже ужинал. Владимир Николаевич приехал буквально перед вами и сейчас принимает ванну. Если надобности во мне нет, я побегу.

Всё это Дора Михайловна прощebetала, не останавли-

ваясь, своим полудетским голоском, одновременно улыбаясь и суетливо перебирая старушечьими лапками, как муха на тарелке с мёдом. Няня она была замечательная, и мы с ней жили душа в душу.

Изобразив ещё два-три японских полупоклона, как престарелая гейша, Дора Михайловна запоздалой бабочкой выпорхнула за дверь. Впечатление довершал тропически яркий зонтик с тиграми и баобабами, который она раскрыла почему-то прямо на площадке, будто дождь лил уже там.

Я разулась в прихожей и прислушалась. В ванной шумела вода. Ещё дальше приглушённо раздавались хлопки выстрелов – это Димка тиранил в детской компьютерную игру. Из кухни пахло чем-то до умиления домашним и вкусным.

Вот и ещё один день прошёл.

Я небрежно бросила сумочку на тумбочку в прихожей, но вдруг вспомнила, что там лежит безделушка, которую мне доверил на хранение Сашенька, и испугалась – не разбила ли? Достала разноцветный свёрточек, потрясла над ухом. Нет, слава богу, обошлось. Какие сокровенные тайны хранил там маленький смешной человечек с большим сердцем? Дырявый носок бывшего возлюбленного? Окурки сигары? Рванный презерватив «Голубая луна»? Войдя в гостиную, я положила Сашенькину тайну на стол и накрыла бумажной салфеткой. Потом быстро впрыгнула в халатик и побежала на кухню – сервировать стол, пока муж не появился из ванной.

Чайник уже закипал, когда в дверь позвонили. На входе в подъезд у нас сидел охранник, потому я не задумываясь щёлкнула замком.

На площадке стояли пятеро: четверо суровых мужчин и поношенная женщина. Один из визитёров был в полицейской форме, но, похоже, не самый главный. Старшим был худой брюнет с нервным дёрганным лицом. Он махнул перед моими глазами красным удостоверением и вежливо, но не без ехидства в голосе, представился:

– Марк Кацман, отдел по борьбе с наркотиками. Я не ошибаюсь, и здесь действительно живёт Градов Владимир Николаевич?

– Да, – опешила я.

– Ну и замечательно. Нам необходимо произвести обыск в вашей квартире. Со мной ещё двое сотрудников и понятые.

Говоря так тихим спокойным голосом, от которого мурашки толпой помчались по моей спине, он понемногу двигался прямо на меня, так что мне волей-неволей пришлось отступить вглубь прихожей. Я была просто в паническом ужасе и никак не могла прийти в себя. За Кацманом ввалились остальные. Профессионально, не производя лишнего шума, но оставляя следы мокрой обуви, сотрудники быстро рассредоточились по квартире, и только понятые сиротливо остались стоять у дверей.

Шум воды в ванной стих, и я опомнилась. Вот сейчас,

сейчас Володя выйдет, и всё это недоразумение разрешится в один момент. Мой муж знает, что делать, он может всё!

Открылась дверь ванной, и Володя появился на пороге, крупный, с мокрыми волосами, с полотенцем, повязанным на бёдрах. По телу сбегали капельки воды. Он увидел меня, улыбнулся, но тут же заметил полуоткрытую дверь, прижухших понятых и вопросительно взглянул на меня:

– Оля, что-то случилось?

Я кивнула и показала в сторону гостиной, куда вела цепочка грязных следов. А оттуда уже шёл Кацман, и узкое лицо его подёргивалось в недоброй гримасе.

– Владимир Николаевич, необходимо ваше присутствие. И вы, граждане понятые, пройдёте в комнату.

– Что вы здесь делаете? – своим звучным голосом сурово спросил Володя.

– Повторю ещё раз, специально для вас: я – полковник Кацман, отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Несмотря на всю серьёзность ситуации, Володя хохотнул, наверно, его позабавило сочетание слов «Кацман» и «полковник». Потом поинтересовался:

– Надеюсь, вы понимаете, в дом к кому врываетесь? Я – Градов! И если вы из полиции, то где ваш ордер на обыск? Кажется, положено предъявлять его в таких случаях?

– Информация к нам поступила срочная, оперативная, так что не было времени для получения ордера. Но вы не вол-

нуйтесь: ордер я выпишу прямо сейчас, а завтра утром поставлю в известность прокурора. Законом это не запрещено.

Володя раздражённо сел в кресло и скрестил руки на груди:

– Валяйте, ищите что хотите, но имейте в виду: завтра же я буду на приёме у вашего генерала и составлю с ним разговор о самоуправстве, которое вы себе позволяете.

– Ну, это вряд ли, – сказал Кацман, и непонятно было, к чему относились его зловещие слова. – Пока же предлагаю вам добровольно выдать оружие, наркотики и иные предметы, запрещённые к использованию.

Володя усмехнулся:

– Не дождётесь, не выдам.

А двое полицейских в это время уже шерстили комнату, передвигая мебель, заглядывая под диван и вытряхивая прямо на пол содержимое ящиков секретера. Из детской выглянул Димка и вытаращил глазёнки, потрясённый таким обилием чужих людей. Я подозвала его, и мой мальчонка молча прижался ко мне, разглядывая то непонятное, что творилось в нашей квартире. Ужас длился, казалось, бесконечно. Было ощущение, как во сне, когда убегаешь от преследования маньяка и даже резво передвигаешь ногами, однако всё равно остаёшься на месте, пытаешься вырваться из вязкой тины кошмара и не можешь, не можешь...

Тем временем солидный полицейский в форме передвинулся к столу, вытащил из вазы букет гладиолусов, заглянул

внутри. Убедился, что оружия там нет, поставил вазу на место и приподнял салфетку. Будто в замедленной киносъёмке, рапидом, я увидела, как полицейский взял в руки разноцветную коробочку, повертел в толстых пальцах, подал Кацману:

– Марк Исаакович, взгляните!

Находкой Кацман живо заинтересовался и обернулся к Володе:

– Что это, Владимир Николаевич?

Володя пожал плечами. Я хотела возразить, сказать, что это чужая вещь и её нельзя трогать, но была как в ступоре, и распухший язык не поворачивался во рту. А Кацман уже небрежно надорвал блестящую упаковку со звёздочками и извлёк на свет маленький полиэтиленовый пакетик, наполненный чем-то белым. Глаза его масляно заблестели, как у кота, узревшего беспечную мышь:

– Прошу понятых подойти поближе! Сейчас мы запишем в протоколе, что в квартире подозреваемого нами обнаружен пакет с белым порошком весом ориентировочно в пятьдесят граммов и вкусом, предположительно напоминающим... – он запустил палец в порошок, облизнул его и жутко завершил, как ударил, – ...героин.

Я вскочила, захлёбываясь междометиями, попыталась объяснить, что это ошибка, что свёрток – не наш, но Кацман движением руки остановил меня и злорадно сказал, явно красуясь:

– Владимир Николаевич, вы, конечно, сам Градов, но про-

ехать в отдел полиции вам с нами всё-таки придётся. Попрошу принять более пристойный для прогулки вид.

И тут произошло то, чего не ожидал никто. Мой муж, как злая распрямившаяся пружина, рванулся из кресла и саданул босой ногой штатского, заслонявшего дверной проём. Доблестный опер опрокинулся на спину и засучил ногами, как большая морская черепаха, а Володя перепрыгнул через него и одним броском оказался на лестничной площадке. Полицейские быстро спохватились и затоптали следом за ним. Понятые застыли посреди комнаты с посеревшими лицами, как два соляных столпа.

Кацман остался в квартире, весело взглянул на меня и покачал головой:

– Не уйдёт.

Я метнулась на лоджию и стала всматриваться вниз, в рано сгустившиеся сумерки. Не услышала, скорее рефлексивно почувствовала, как нараспашку откинулась застеклённая дверь подъезда, и увидела мужа, большими прыжками летящего по двору, а за ним – две чёрных фигуры. Не по наивности, а, наверно, от безысходности он и не подумал о том, что практически голому человеку невозможно скрыться на центральных улицах города, где полицейские бродят целыми косяками. Буквально в нескольких метрах от угла дома, выходящего на Ноградскую улицу, Володя поскользнулся на мокром асфальте и неловко упал. Этого оказалось достаточным для того, чтобы преследователи догнали его и начали пинать,

хрипло матерясь.

Я закричала, но мой крик с седьмого этажа, сквозь стекло лоджии, показался мне самой мышинным писком. Полотенце слетело с Володи, и его голое тело особенно беззащитно белело в сумерках на асфальте, как моллюск, выдернутый из своей раковины безумными поварами.

Удавленник в кровати

Ещё в течение полутора часов после отъезда опергруппы я не могла прийти в себя, истерически рыдая на кухне. Я понимала только одно: произошло какое-то страшное недоразумение, шестерёнки обстоятельств сцепились и вмиг перевернули всё моё безоблачное существование. Димка резко повзрослевшим мужичком сел на пол спиной к стене, долго и серьёзно смотрел на меня, потом сказал:

– Мам, я пойду спать. И ты ложись. Папа скоро вернётся.

Несмотря на своё состояние, я умилилась тому, как моё шестилетнее сокровище наивно пытается успокоить меня. Наскоро вытерев распухший от слёз нос, я проводила сына в детскую и уложила его. Вернулась на кухню с бутылкой J&B и влила в себя хорошую порцию противно воняющего виски. Посидела. Мир замедлил безостановочное кружение в моей голове и начал останавливаться.

Тогда я всё поняла. Я была дурой. Сама, собственными руками я приволокла в дом эту отраву и по своей простодыроности бросила её на столе. Неизвестно, как и почему полиция оказалась у нас, но всё сошлось роковым образом. И тут меня будто ударило в голову. Сашенька! Это же он попросил меня взять домой разноцветную коробочку! Или он не знал, что находится в ней, или сделал это сознательно, чтобы героиновый порошок переждал опасность в нашей квартире,

находящейся вне всяких подозрений. Вот же педрила поганый! Я побегу сейчас к нему, выволоку из тёплой постельки вместе с его Толюсиком и сдам в полицию! Пусть там объясняется и отдувается сам. Такие проблемы – не для моей женской головушки.

Я вскочила, ударилась коленом об угол холодильника, беззвучно выругалась и стала натягивать джинсы. Забыв про дождь, как была, выбежала из квартиры. Тощий рыжий охранник с бородой, как у норвежского шкипера, уже будучи в курсе скандала, с любопытством уставился мне вслед.

Если дворами – это было рядом. Сашенька снимал небольшую квартирку на Весенней, улице традиционных гей-тусовок, в доме с псевдовенгерским рестораном, экзотически именующимся «Шалго». Ещё издалека я увидела, что в окнах его квартиры горит свет. Задыхаясь, взбежала по лестнице и начала колотить в дверь кулаками.

Дверь вдруг скрипнула и подалась.

На мгновение я мысленно ужаснулась, но открыла её. Такое обычно описывается в плохих детективных романах, но, входя в квартиру, я уже догадывалось, что меня ждёт. Сашенька тряпичной куклой лежал на кровати, огромном своём сексодроме, и смотрел на меня, нелепо вывернув шею. Лицо его было неестественно сизого цвета, а язык торчал из-за редких зубов. Сашенька не дразнился. Он был мёртв, настолько, что мертвей и быть не может.

Уже позже, анализируя свои действия в критический мо-

мент, я подивилась тому, насколько осторожно и аккуратно всё сделала. Видать, чтение на досуге всякой детективной белиберды так крепко засело моей в голове, на уровне подсознания, что я старалась ничего лишнего не касаться и без нужды ничего не сдвигать с мест. Даже выходя потом из квартиры, я не забыла протереть носовым платком дверную ручку.

По обиталищу теперь уже мёртвого Сашеньки я прошлась достаточно хладнокровно, стараясь глядеть на лежащее тело, как на полноправный предмет обстановки. Правда, шептала про себя на манер Скарлетт О'Хары: «Я поплачу об этом потом».

На просторной кухне всё блестело, словно в операционной – покойный Сашенька был чистюлей. Однако на белой скатерти остались следы застольной беседы: пустая бутылка из-под армянского коньяка, две стопки, останки какого-то разноцветного салата и початая коробка конфет. Ни малейшего намёка на то, что здесь происходила ссора – сидели люди, выпивали да мирно толковали меж собой.

Да и в комнате, не считая изрядно пожульканного покрывала на постели, тоже всё было чинно-благородно: шторы на окнах не оборваны, мебель на своих местах, дверцы шкафа закрыты, ящики небольшого комодика не выдвинуты, и даже вполголоса работающий музыкальный центр подмигивал из угла разноцветными огоньками. Короче, за исключением лежащего со свёрнутой шеей хозяина жилища, повово-

дов для беспокойства не было.

Я опасливо присела у Сашеньки в ногах и задумалась. Похоже, что ничего ценного в квартире не взято. Даже при том, что у него уходила куча денег на своего маргинального Толика, Сашенька не бедствовал, ведь платила я ему более чем прилично. Значит, не пошлое ограбление стало причиной гибели моего заместителя. Скорее, бытовая или интимная ссора с кем-то, кого Сашенька привёл к себе в этот вечер и угощал коньячком. А, может быть, убийство оказалось случайностью? Похоже, что так, ведь убийца быстрее лани бежал из квартиры, не выключив свет и даже не захлопнув двери. Видимо, было ему очень страшно от содеянного. А что, переусердствовали ребята в интимных ласках, надавил проклятый мужлан на нежное горлышко Сашеньки чуть сильнее, чем надо, – хрусть и готово! Тут я, пересилив себя, пристальнее взглянула на труп и поняла, что так вывернуть человеку шею – это надо постараться. Стало быть, не случайность.

Ревность? Я слышала, что гомики болезненно ревнивы, и кровавые разборки на этой почве у них нередки. Мало ли кого из своих бывших любовников мог притащить к себе sentimentalный Сашенька. Искать среди них – гиблое дело: ни один даже не отпечатался в моей памяти. Кроме Толика, конечно. Тот последним ходил в постоянных сожителях Сашеньки и был обворожителен, как бог. На взгляд обезьян Центральной Африки, конечно. Толюсик был постоян-

но небрит, видимо, чтобы компенсировать обширнейшие залысины на черепе. Ходил ссутулившись, загребая воздух лопастями ушей, а жёлтые глаза его, глубоко посаженные, глядели до того холодно и пристально, что я даже как-то попросила Сашеньку не водить своего друга к нам в «Экстаз» и не пугать трепетных покупательниц. Впрочем, в постели самцом Толян, наверно, был неплохим, если Сашенька так страдал по нему.

Уж не Толик ли и прикончил его? Сожительствоваали они достаточно активно и страстно, так что Сашенька периодически ходил в чёрных очках, скрывая качественно поставленные фингалы. Да и сидел в последний раз Толюсик, насколько помнились мне душевные излияния покойного за-ма, за то, что обрезком водопроводной трубы проломил кому-то голову. Но зачем было Толику убивать свою курочку, пардон, петушка с золотыми яйцами? Сашенька кормил его, одевал и ублажал изо всех сил, не жалея денег. Опять что-то не клеится...

Причина может быть только одна, и связана она с тем самым героиновым пакетиком, из-за которого и арестовали Володю. Разборка произошла тоже из-за этого, и Сашенька поплатился жизнью. Но чей тогда героин? Толика или кого-то ещё? Там ведь порошочка приличное количество, а у нас и за меньшие деньги шею человеку могут свернуть не задумываясь. О, господи!

Так ничего и не определив своим любительским анали-

зом, я поднялась, подошла к комоду и наугад осторожно выдвинула несколько ящиков. В среднем лежал большой фотоальбом. Я перелистнула его страницы. Какие-то незнакомые люди, люди. Вот фотографии, сделанные у нас в магазине на Восьмое марта. Я с букетом роз. Вот Сашенька, загримированный под японскую гейшу, – память о его романе с одним из ведущих актёров местного драмтеатра. Вот и Толик, дарящий в объектив нежную улыбку Кинг-Конга. Не зная ещё толком, с какой целью, я взяла альбом и пошла прочь, по-прежнему оставив дверь в квартиру незапертой и не выключая света. Так его быстрее обнаружат...

Выходя на площадку, я ещё раз, прощаясь, оглянулась на мёртвого Сашеньку, почувствовала, как рыдания подступают к горлу, и метнулась вниз по лестнице. Потом я долго сидела на скамейке посреди ночной Весенней и редела, хлюпая носом. За какие-то шесть последних часов жёсткая рука выхватила из моей жизни двух людей, на которых держались мои стабильность и покой. Слезы безостановочно катились по щекам, а я их уже и не вытирала, потому что платок всё равно был – хоть выжимай. Какой-то запоздалый мужичок потоптался около меня, но, видать, оценив мои тапочки на босу ногу и прижимаемый к груди фотоальбом, решил, что я не ночная бабочка, а жертва семейного дебоша, и поплёлся дальше.

Наркорыцарь Кацман

Карабан позвонил ни свет ни заря. Я забылась только под утро, наскоро разглядывая какие-то обрывки тяжёлых снов. Телефон заквакал на тумбочке у изголовья, и я, ещё не понимая, досматриваю очередной кошмарик или это объективная реальность, взяла трубку.

– Ольга, чё, правда, что Вовку вчера замели?!

Ну вот, уже и слухи, как круги по воде, пошли.

– А, это ты... Правда.

– Чё случилось-то?

– Сама, Лёш, не понимаю. Налетели вчера целой толпой, обыск стали делать. А тут, как на беду, я с работы одну вещицу принесла. Они и посчитали, что она – Володина. Сегодня с утра схожу в полицию, поговорю. Разберутся и выпустят, наверно.

– Какая такая вещица? Уж не ствол ли?

Я чуть было не сказала про героин, но вовремя осеклась. У Карабана полезные знакомства там и сям, вот только не стоит его пугать раньше времени, может, ещё придётся обращаться за помощью. Да не «может», а точно.

– Лёш, это не телефонный разговор. Слушай, а ты не мог бы со своим дядюшкой потолковать? Глядишь, он сверху тоже посодействует...

– Это дело обкашлять надо. Давай так сделаем: я сейчас

с ранья в Аннинск еду, к вечеру в городе буду. Ты подьясни пока, чего они хотят от Вовки, а потом приезжай ко мне часиков в десять вечера, сядем и обстоятельно перетрем эту тему.

Я согласно покивала головой, как будто собеседник мог видеть меня. Но в трубке уже были только короткие гудки: скорострельный Карабан отключился.

Я с трудом разглядела в сумраке часы. Пол-седьмого утра, но сна не было ни в одном глазу. После моего вчерашнего спонтанного возлияния головушка была вава, а во рту, натурально, находился кошачий туалет. Не без труда подняв с постели брненное тело, я поплелась в ванную чистить зубы. Разглядывая в зеркале своё осунувшееся лицо, ещё нашла силы подивиться тому, что в голове – ни единой мысли. Полная опустошённость и апатия ко всему – видать, после такого выхлопа эмоций психика отключилась, чтобы не перегреться.

Однако в девять утра я уже бодро бродила вдоль высокого забора из металлических прутьев, которым доблестная полиция нашего региона на всякий случай отгородилась от преступного мира. Дождь снова моросил с утра, попадая в так моему подавленному настроению.

Чуть только Дора Михайловна появилась поутру, я сдала ей на руки Димку и помчалась в областное УВД. Оказывается, кто-то подсуетился, и накануне вечером в телепрограмме новостей уже успели передать, что по обвинению в совершении тяжкого преступления задержан известный предприни-

матель Владимир Градов. Потому бедная старушка смотрела на меня опасливо: то ли я вцеплюсь ей когтями в горло, то ли достану из кармана парабеллум и предложу на пару ограбить банк.

Кацман с утра пораньше был на каком-то совещании, так что битых два часа я толкалась под дождём, то и дело названивая по внутреннему телефону от проходной. Понемногу сознание размораживалось, наверно, тройная доза кофею поспособствовала, и я теперь могла крутить в голове ситуацию туда и сюда.

Насколько всё это серьёзно? Примут ли в милиции моё объяснение, если учесть, что Сашенька уже беседует с богами? Не подсуетится ли мне и не снять ли деньги со счетов, пока у следствия не возникла идея наложить на них арест? Что за резонанс повлечёт за собой эта история и не помешает ли она Володиному бизнесу? Захочет ли помочь мне Карабан?

Захочет. Он ведь понимает, что его благополучие невысказанно без Володи. Хотя как подумаю, что придётся идти к нему, объяснять, просить, – с души воротит. Лёшку Карабанова я откровенно не любила, не понимая даже толком причин своей антипатии. Что-то на генном уровне. Ещё в детстве жил в соседнем с нашим бараке рыжий Кирюха, который имел обыкновение ни за что ни про что драть меня за волосы, растаптывать мои песочные пирожки и ломать самодельных куколок. С тех пор рыжих недолюбливаю, а все-

народное пугало Чубайс только укрепил мои детские комплексы.

Карабан тоже был рыжим. Противный такой, с белёсыми ресницами и цельноклееной ухмылкой на веснушчатой физиогномии. Стоило мне представить, что такими веснушками он усыпан с ног до головы, включая самые интимные места, и меня передёргивало, будто таракана проглотила. Кто увидел Карабана впервые, никогда бы не подумал, что тот происходит из высокопоставленного семейства и даже типа имеет высшее образование. Мажорный мальчик Лёша с юных лет был болен блатной романтикой, свободно, без словаря, изъяснялся на фене и знал немереное количество уголовных шуток-прибауток. Всё это потом удачно легло на модные стандарты делового человека, и в итоге получился типичный «новый русский», как их изображают в анекдотах и кинокомедиях. Не сказать, что Карабан был дураком: да, в каких-то вопросах он был откровенно туп, но всё это компенсировалось животным чутьём и прагматичным отношением к жизни – не по книжным премудростям, а в натуре.

Не знаю, какими путями сошлись они с моим мужем, но когда я только-только познакомилась с Володиёвым, их совместный угольный бизнес шёл в гору со страшной силой. Николай Петрович, Карабанов-старший, когда-то был партийным деятелем областного масштаба, потом отошёл от мафиозных дел, но ниточки в старческих руках держать продолжал и по необходимости дёргал за них. Николай Петрович

числился в консультантах крупного банка, в офисе которого появлялся раз в месяц, но если уж возникала реальная нужда в услугах заслуженного старпёра, один его телефонный звонок окупался для банка многократно. Ещё один Карабанов, родной брат партийца, при советской власти был угольным генералом, потом двинулся во власть и плотно окопался в областной администрации, удержавшись даже при смене губернаторов.

Из этой хорошо укоренившейся грибницы и росло благосостояние прибалтнённого Лёхи Карабанова. При полной внешней и внутренней несхожести, они с моим Володей создали нерушимый тандем. Первые несколько лет совместной жизни я вообще глядела на мужа, как полная дурочка, разинув рот, — до такой степени он подавлял меня мощью своего ума. Градов был не талантом, а самым настоящим гением в бизнесе. Он мог выстраивать такие хитроумные цепочки сделок, так тщательно просчитывал все возможные последствия, что каждый вложенный в дело рубль оборачивался червонцем. Володя был и современным воплощением легендарного царя Мидаса, превращавшего в золото всё, чего он только ни касался, и человеком редкостной порядочности, который тонко чувствовал жизнь. Это я поняла уже позже.

Ну так вот, стратегические мозги моего Градова и связи Карабанова-младшего в итоге создали компанию, которая экспортировала уголь тысячами составов во все концы гео-

графии. Пока тузы из правительства соображали, что делать с разваливающимися шахтами, пока буржуйские эксперты ни шатко, ни валко готовили проекты реструктуризации угольной отрасли, через прореху в государственном мешке уголёк изобильно сыпался в подставленные нами ладони. Хватало с избытком всем – и нашей семье, и карабановскому клану. Правда, в последние годы халявные барыши начали усыхать, но Володя дальновидно уже переложил большую часть денег из корзины с углем в другие рыбные места, так что поводов для беспокойства не было. И что, неужели теперь Лёша Карабанов захочет лишиться всего этого? Времена изменились, на одном блате далеко не уедешь, а продюсировать свежие идеи Карабан был по определению неспособен.

...На сорок третий, наверно, раз в трубке щёлкнуло, и бесцветный голос Кацмана поинтересовался, чего я хочу. Я хотела поговорить. Ещё через пять минут Кацман материализовался на крыльце управления и махнул рукой постовому – пропусти.

Обитал борец с наркомафией в неудобном, несмотря на сделанный евроремонт, узком и длинном кабинете, прокуренном донельзя. Ещё бы: первое, что сделал Кацман, усевшись за стол, – сунул меж тонкими губами сигарету и щёлкнул дешёвенькой китайской зажигалкой. Прищурился, что в его воображении, должно быть, свидетельствовало

о высшей степени проницательности, и произнёс:

– Ольга Сергеевна, скажу вам начистоту: не было никакой необходимости приходить сюда. Мы вас, конечно, допросим в качестве свидетеля по делу, но, думается, ничего существенного вы нам сообщить не сможете. Даже если и осведомлены о наркосвязях вашего мужа, не станете же вы его сдавать. Могу также сообщить, что анализ порошочка наша лаборатория уже сделала: это действительно героин, чистейший – три девятки, нечаянно на помойке такой не найдёшь.

– Но послушайте, всё обстоит совсем не так, как вы считаете. Владимир Николаевич и понятия не имеет ни о чём, этот пакет с наркотиками оказался в нашей квартире случайно.

– Ветром в форточку занесло?

– Нет, это моя вина. Пакет я принесла вчера с работы.

– С работы? Вы что, наркопритон содержите?

Натужный полицейский юмор Кацмана начал меня раздражать.

– У меня магазин женской одежды. А пакет мне отдал на хранение один из моих сотрудников. Я даже не знала, что находится в нём.

– Ну, предположим. Я не я и лошадь не моя. Хотя верится с трудом. Думаю, вы просто, как верная жена, стараетесь выгородить своего мужа. И даже если существует этот самый сотрудник, я не поручусь, что вы с ним не провели вечером разъяснительную работу, и он сейчас уже далеко за предела-

ми города, путает следы за очень отдельную плату...

Перед моими глазами всплыл мёртвый Сашенька, показывающий холодный язык. Что, съела? Нашла на кого сослаться. Чего доброго, ещё повесят на меня этот труп. Я поёжилась и с трудом вернулась к рассуждениям Кацмана:

– ...совсем недавно он вернулся из командировки в Таджикистан. Или вы меня будете убеждать, что угольный король Градов ездил туда дыни закупать?

– Зачем он туда ездил – не знаю. Но подумайте логически: зачем человеку, имеющему легальный и очень прибыльный бизнес, связываться с криминалом, марать репутацию?

– Ой ли? Милая Ольга Сергеевна, доходность торговли героином такая, что ваши угольные забавы по сравнению с ней – всё равно, как если бы ваш мужёнок ходил побираться вечерами у ресторана. Понимаю, что Градов – не дурак, его администрация области обеими руками поддерживает, а под таким прикрытием твори, что хочешь – всё спишется. Нет, не спишется: дело мы доведём до суда, это я вам обещаю. А сейчас, извините, вынужден раскланяться с вами – дела: наша опергруппа с самого утра делает обыск в офисе фирмы вашего мужа, и мне необходимо быть там.

Тут я поняла: сюда я пришла зря. Толку не будет. Неизвестно, чего в нём больше, чисто полицейского скудоумия или плебейской ненависти к удачливому бизнесмену Градову, но Кацман будет упираться до последнего, именуя белое чёрным – и наоборот. Даже при очевидных доказательствах

невиновности Володи (хоть их и унёс на тот свет Сашенька), амбиции не позволят Кацману признаться в своей неправоте. Тем более, тут, наверно, и карьерные перспективы замешаны – как же, такого зубра изловил! А следом и до генеральских погон – рукой подать.

Я встала и холодно попрощалась. Душка Кацман проводил меня до самых ворот и попросил никуда пока не отлучаться из города. Спасибо, что хоть подписки о невыезде не потребовал.

Забыв о том, что неподалёку припаркована моя машина, даже не открыв зонтик, я побрела под дождём по тротуару и свернула в ближайший двор. Дура я дура. Понеслась искать справедливости. Разберутся, выпустят... Как же! Всей кожей я ощутила, как наяву, тяжёлое вращение шестерёнок машины правосудия. Володя случайно оказался рядом, за краешек одежды его втянуло в механизм и теперь наматывает на зубья. И со мной будет то же самое, не отойди я подальше.

Здесь силы оставили меня совсем. Если в областное УВД я бежала, наэлектризованная желанием всё объяснить и освободить Володю, то сейчас вся моя энергия попросту улетучилась в сырую атмосферу. Как разряженная батарейка, я остановилась, отвернулась к стене дома, уткнулась в рукав куртки и заплакала, смешивая свои слёзы с дождём...

Откуда не ждёшь...

...Я сползла по грязной вокзальной стене и сидела на холодном полу, тупо вглядываясь в щербинки на каменных плитах. До этого момента я держалась на своём кураже, на боязни погони, на совершенно необоснованной надежде в то, что есть на свете место, где всё изменится, и я буду жить там хорошо. Сбегаая с грудным Димкой из дому, я обшарила карманы вечно пьяного мужа, но денег там оставалось немного. На вокзале я просто подала эти деньги в окошечко кассы и попросила: «Дайте, пожалуйста, билет до какого-нибудь большого города, куда денег хватит...» Кассирша ничуть не удивилась и протянула мне картонный прямоугольничек. Потом в общем вагоне поезда, в промежутках между кормлениями Димки и короткими провалами в сон, я глядела в окно на плывущие мимо леса и болота и шептала: «У меня всё будет хорошо. Я выкарабкаюсь, я сильная». Димка во сне причмокивал губами, и его младенческое тепло придавало мне силы.

Так, повторяя эту самодельную молитву, я вышла на чужой перрон незнакомого мне губернского города Кикиморово, где не бывала никогда. Стоял слякотный октябрь, и на привокзальной площади было

мрачно, лишь тусклые фонари да редкие такси светом фар слегка разбавляли темноту. Я отошла чуть дальше и попала ногой в лужу. Холодная вода, хлынувшая в туфлю, отрезвила меня, и только тут я поняла, что оказалась в нигде, с грудным младенцем на руках, с мелочью в кармане, и деваться мне просто некуда. Страх был настолько силён, что я кинулась обратно в громоздкое здание вокзала, в тепло. Там я пробыла весь вечер и часть ночи среди шумных цыганских семейств, заполонивших скамейки, и бомжей, пришедших отогреться в зале ожидания.

Потом, когда усталость всё-таки взяла своё, я сползла спиной по грязной вокзальной стене и сидела на холодном полу, тупо вглядываясь в щербинки на каменных плитах. Я оказалась в тупике, выхода из которого не было. Меня начало затягивать в вязкий и тяжёлый сон, и я боялась только одного – как бы не выронить из рук Димку. Как сквозь вату, я с трудом слышала: «Девушка, вам плохо? Помочь вам?» Разлепила веки и взглянула вверх. Передо мной стоял Володя. Впрочем, тогда я ещё не знала, что его зовут так...

...«Девушка, я чем-то могу помочь вам?», – спросил мужской голос, и я полуобернулась, машинально утирая слёзы. Сухощавый мужчина лет сорока пяти, в стального цвета пла-

ще, стоял и участливо смотрел на меня карими добрыми глазами, как папа, которого я никогда не знала. Волосы с проседью смешно топорщились на затылке прохожего. Под мышкой он держал толстую чёрную папку.

– Вас, случайно, не в нашем учреждении обидели? – спросил мужчина и кивнул в сторону здания областного УВД.

– А где ещё у нас могут безнаказанно обижать людей!? – проворчала я, поняв, что он тоже из этих, которые обыскивают и арестовывают.

– Ну не надо так сразу. Ещё в Библии было сказано: умеете отличать овец от козлиц. У нас ведь работают и сыщики, и, к сожалению, мусора – тоже. Не поручусь, что решу все ваши проблемы, но расскажите, что с вами случилось. Может, посоветую, к кому лучше обратиться.

Я ещё раз буркнула что-то недоверчивое, но уже кожей своей ощущала, что мне повезло, и что этому человеку я смогу рассказать всё: про вчерашний арест Володи, про героин и про Сашеньку со свёрнутой шеей.

Позже, уже сидя в его кабинете, я отхлёбывала кофе и беспорядочно, перескакивая с одного на другое, пыталась объяснить суть происшедшего. Валерий Петрович, а именно так звали моего нового знакомого, не перебивал меня, лишь подбрасывая в редких паузах наводящие вопросы. Когда я выговорила до доньшка, на пару минут в кабинете повисло молчание. Валерий Петрович смотрел в окно, постукивая костяшками пальцев по столешнице. Повернулся. Вдохнул.

– Да, история, похоже, поганенькая. Рано или поздно – скорее поздно – выяснится невиновность вашего мужа, но крови ему и вам за эти годы попьют.

– Годы? – я похолодела.

– Оля, не хочу вас расстраивать, но, как мне кажется, всё, происшедшее с вами, – не случайность. Не бывает такого, чтобы к человеку случайно пришли с обыском как раз тогда, когда в его квартире оказалась некая... компрометирующая вещь. Тем более, к личности такого уровня. Боюсь, дело пахнет чьим-то заказом, возможно, даже на политическом уровне. Вам, наверно, странно слышать такие вещи от полицейского, но закон – и в самом деле, что дышло: можно нанять для убийства киллера, а можно натравить прокуратуру, и человека закатают прочно и надолго, при полной видимости соблюдения закона. С администрацией области в последнее время трений у вашего мужа не было?

Я пожала плечами:

– Володя – человек достаточно скрытный. Думаю, всё, что я знаю о его работе, – это такая малость... Верхушка айсберга, короче. Он старается меня оберегать. Как-то сунулась к нему с достаточно откровенными расспросами, так он меня обрезал: меньше знаешь, мол, крепче спишь. А почему вы именно про администрацию спросили?

– Долго объяснять. С тем, к кому вы сейчас приходили, у меня старые счёты. Человечек нечистоплотный. Обратили внимание? – ему и сорока нет, а он уже полковник. Я вот,

к примеру, почти пенсионер, но всё ещё в капитанах. Говорю не для того, чтобы пожалиться хорошенькой девушке: просто есть у Кацмана, по моим данным, родственник – не родственник, в общем, покровитель в областной власти, который пропихивает его наверх. Вот Маркуша и отработывает. Он – начальник областного отдела, так что не с руки ему по обыскам бегать, как простому оперу. И раз уж появился в вашей квартире – значит, имел какой-то интерес. А если заказ на Градова сделали сверху – так просто не отделаешься: в подобных ситуациях и языки умолкают, и пророчества не исполняются. Так что настраивайтесь на длительную осаду.

Я откровенно повесила нос. Ну вот, и добрый мент мне тоже помочь ничем не сможет. Здесь тоже всё, как у людей: неестественный отбор, борьба за существование, сильный жрёт слабого. Господи, в какую же грязь я вляпалась...

Мои мысли, похоже, достаточно отчётливо читались у меня на челе, потому что Валерий Петрович ободряюще улыбнулся:

– Быстро же вы, Оленька, скисли. Другие вон чего – и то ничего. Я, конечно, открыто в ваше дело соваться не могу: и епархия другая, и заклятого друга лишний раз настораживать не хочется. Могу из личной симпатии немножко помочь вам информацией: прощупать, откуда и куда тянутся ниточки с арестом вашего мужа, или полюбопытствовать, как продвигаются поиски убийцы вашего... покойного зама, если,

конечно, его труп уже обнаружили. Вы, кстати, в квартирке убитого не наследили?

Я покачала головой.

– В каком районе он жил?

– В Центральном, на Весенней.

– Это хорошо. Кстати, какие-нибудь данные на его сожителя у вас есть? Ну там, адрес, приметы, любая информация, в общем.

Я с готовностью полезла в сумочку и достала два фото:

– Вот. На этой – Сашенька, а на этой – Толик. Правда, я не знаю ни его фамилии, ни адреса. Сашенька рассказывал что-то, но я привыкла детали его любовных историй пропускать мимо ушей, так что... Знаю лишь, что вместе они были последние полгода, причём познакомились как раз в то время, когда Толик отбыл очередной срок и освободился. Сидел он, кажется, за то, что кого-то до смерти забил обрезком трубы. Вот и всё...

– Ну, Оленька, это же замечательно – просто море информации: фото, судимость, примерное время освобождения. Этак, если он из нашей области, я по информационной базе уже сегодня прокачаю вашего... ну извините, не вашего Толика. Может, он какую-то зацепочку и даст. А теперь давайте сделаем так: вы оставьте мне ваш адрес и телефон, чтобы лишний раз не мелькать у наших высоких ворот. Когда у меня что-то появится, я вам звякну, подъеду и расскажу. Идёт?

Я благодарно закивала головой...

Всякой скотине мать

Дора Михайловна сошла с ума. Она всегда была такой благообразной и дружелюбной старушкой, что я сразу даже не признала её в гарпии с всклокоченными волосами, которая открыла мне дверь. Трудно понять, чего больше – страха или злобы – было в её голосе, когда с порога Дора Михайловна заорала на меня:

– Хватит, наработалась! Ольга Сергеевна, давайте расчёт, и больше ни минуты в вашем доме я не останусь! Мне покой и жизнь дороже!

– Что случилось, Дора Михайловна, голубушка?! Димка вас чем-то обидел, что ли?

– Какая вам разница?! Деньги давайте! Ещё не хватало, чтобы меня по полициям и судам затаскали. Вы и муженёк ваш разбирайтесь со своими тёмными делишками, а мне это ни к чему.

– Дора Михайловна, но что же мне делать? Димку даже оставить не с кем: Володю арестовали, я работаю.

– Сдайте в детский сад, как все нормальные люди делают. Тоже мне, фифа барских кровей! Нахатают денег и бесятся с жиру...

Гниль пёрла из маленькой старушки полными вёдрами. Сверкая бесцветными глазами, она насканивала на меня и грозила сухоньким кулачком, видя во мне, наверно, омер-

зительный символ капитализма. Я поспешно полезла в бумажник и подала ей две стодолларовых бумажки – плату за последний месяц – только бы она заткнулась и ушла. Сил моих никаких не было наблюдать, как из милой бабушки, которой я доверяла своего сына, вылупляется злобное, ненавидящее меня существо, гоблин какой-то.

Как-то довелось мне прочесть книжицу, обычный ужастик, в котором под личинами некоторых людей скрывались кровожадные монстры из потустороннего мира, однако никто этого видеть не мог, кроме простого парня, и тот носился, как подорванный, по свету, предостерегая окружающих, но все считали его обычным психом. Такое ощущение, будто со вчерашнего дня у меня тоже открылось тайное зрение, и я в ужасе наблюдаю тянущиеся ко мне свиные рыла и оскалы клыков. Конец света – да и только!

Всё ещё бормоча что-то под нос, Дора Михайловна резво шмыгнула за дверь, и тишина наконец-то воцарилась в прихожей. Я бы заревела – это состояние за последние сутки всё больше делалось для меня привычным, – но не имела права распускать сопли перед Димкой, который даже не появился на шум. Заглянула в детскую. Мой сынуля лежал на диване и старательно изучал какую-то детскую энциклопедию с картинками. Жизнь шла своим чередом, и надо было думать, что делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.